

К ИДЕЕ О ПРАКТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Перед началом доклада я бы хотел сказать два слова, связанные со стратегией движения нашей группы. Не смотря на то, что мы выпустили ряд работ связанных с философией и педагогикой самоопределения, есть компакт-диск, посвященный десятилетию, который и называется “1993-2003”, мы в прямом смысле слова не считаем себя педагогами, педагогика и образование - это одна из сфер приложения наших усилий. По всей видимости мы называемся практическими антропологами, и в этом плане мы позиционируемся от психологии и гуманистической психологии, от методологии как некоторой практики работы с людьми, хотя мы так или иначе во многом связаны с мыследеятельностным подходом. Мы позиционируемся от педагогики в известном смысле слова. В этом смысле мы сейчас двигаемся в поиске собственного обозначения, собственного названия. При этом если бы мы были на Западе, нам свое название было бы придумать гораздо легче, чем в России. Однозначно на Западе то направление, которым мы занимаемся уже несколько лет, называется “антипедагогика” как не странно. Например, в Германии антипедагоги работают с детьми, и это считается нормальным, если вы слышали, есть такая школы Рорти. Эта школа и по педагогике и не по педагогике. Раз в год мы проводим мероприятие про теорию практики, практическая теория практики. Раз в год - это как раз тот срок, когда мы можем сделать некоторую остановку и осмыслить то, что ты делаешь. Тема школы: “Практическое мышление. Схемы прорыва. Что считать современным”. Для нас именно мышление является характеристикой антропологического. Практическое мышление как научное выражением пытаемся ввести мы. На прошлой летней школе я специально посвятил установочный доклад понятию практики и практического, и всячески пытался отойти от дихотомии теоретическое - практическое. В прошлом году я вводил понятие практического, опираясь на следующие традиции: традиция античной философии, традиция немецкой классической философии, а именно И. Кант, марксистская философия и в итоге было введено понятие практического через рамку системомыследеятельностной философии. Следующая интрига практического мышления заключается в некотором, может быть, противопоставлении теоретическому

---

* Доклад А.А. Попова на Летней школе по практической антропологии, г. Томск - 2003.

мышлению, но мы не указываем на это противопоставление, а указываем на некоторый другой модус существования мышления. По всей видимости, теоретическое мышление отвечает за концепты, за некоторые концептуальные идеи, за предметность, за предметное мышление. А практическое мышление, по всей видимости, отвечает за схемы организации и схемы прорыва и за процессы, которые связаны с организацией реальности. Но это пока предварительная гипотеза. Поскольку практическое мышление отвечает за принципиально другой тип организации, а конкретно, за схемы, то отсюда и название “Практическое мышление: схемы прорыва”. Если в целом о теме “Практическое мышление: схемы прорыва. Что считать современным сегодня”, то надо сказать, что мы решили эту школу проводить не только в рефлексивно-теоретическом режиме, или не просто в режиме научного дискурса. Мы решили пригласить шесть или семь экспертов из разных сфер современной жизни, их задача - прийти на час и ответить на вопрос “Что считать современным?”. Поскольку по роду своей службы, по роду своей профессии они должны иметь ответ на этот вопрос, они обязаны иметь схему прорыва, а для нас это материал. Мне кажется, что основная проблема второй половины 20-ого века связана с гуманитарными дисциплинами и предельно с практическими гуманитарными дисциплинами. Невозможно сегодня просто работать по-кантовски, хотя и Кант очень много с материалом работал. Необходимо вводить материал, и общественно социальная рефлексия может строиться только на материале, поскольку на малой школе читать тексты не совсем корректно, мы решили привести живые дискурсы, живые тексты, которые попробуют ответить на наш вопрос. Наша задача в том, чтобы подумать, как мы можем развернуть их, потому что это такой публичный жанр. Это скорее похоже на технологии телевидения, нежели на технологии летней школы. Сегодня после обеда и завтра до обеда у нас будут выступать гости, которые будут отвечать на вопрос: что можно считать современным сегодня, в чем собственно заключается эта современность.

Где современно жить, в Козинске, где не сама территория города, но территория вокруг него скоро станет зоной затопления в связи с запуском Багучанской ГЭС, или в Шушенском, где, собственно произошла гуманитарно-антропологическая революция после смены формации, или в Красноярске, в городе, где каждые четыре года происходят грандиозные политические изменения, или в Томске, где никаких изменений не происходит и, по всей видимости, происходить не будет, или в Кемерово, где еще 50 лет не будет меняться губернатор. Или в Томске, скажите какому-нибудь томичу-профессору-академику, что он живет в провинции. Он скажет: я по интернету работаю там-то, и у меня раз в год конференция у физика - в США, а у гуманитария - в Германии. Попробуйте ответить на вопрос: где жить современно. Мне кажется, что современный мир водит новые представления о современности, извините за тавтологию. Вопрос о современности есть

вопрос о схеме прорыва, это вопрос о той реальности, в которой мы живем. Если лет 10-15 назад мы все жили примерно в одной реальности, в одинаковых схемах организации жизни, то сегодня нет. Если нет вопросов, я, с удовольствием, перейду к своей непосредственной работе.

Я сделаю попытку, не знаю, честно говоря, как она мне удастся, сделать следующий шаг по отношению к теме “Практическая антропология” и попробую сделать следующий шаг по введению понятия “практика”, и попробую дать характеристики современного практического мышления. У меня будет три части, точнее: введение и три части. Первая часть будет посвящена понятию человеческого потенциала и частично я расскажу те вещи, которые нами озвучивались на прошлом выступлении на Антропологическом Форуме Поколений. Во второй части я попробую ввести на основе анализа, прежде всего, французских постструктуралистов, еще раз понятие практики, но уже на новом уровне. И в третьей части я, собственно, попробую ввести представление о характеристиках практического мышления и, может быть, в связи с этим несколько слов сказать о педагогике.

По поводу введения. Мне кажется, что мы с вами сегодня находимся в ситуации кардинальных страновых изменений, но протекающих в движении плавности, стремящихся к синхронизации реформ и в итоге, по всей видимости, мы с вами попадем или уже попали в ситуацию стабилизации. С одной стороны эта ситуация позитивная и, по всей видимости, голосования будут проходить так как надо, а с другой стороны эта ситуация может стать трагичная для людей, уже привыкших жить в инновационной идеологии. Трагедизм инноваторов может заключаться в том, что схемы переходов на инновационные организации могут стать в таком процессе динамики развития общества не продуктивными. Рамка развития, вернее ее применение, в инновационных практиках может быть неуместна. По всей видимости, больше будут говорить не о развитии, а об устойчивом развитии. Больше будут говорить не о инновациях, а о новациях, больше будут говорить не о новых технологиях, а о технологических линиях, которые были где-то когда-то опробированы. И трагедия инноваторов может заключаться в том, что они постоянно накапливают схемы прорыва и в тот момент, когда у них появляется возможность их реализации, эти схемы прорыва устаревают.

В этом смысле, мне кажется, мы с вами уже имеем и будем скоро иметь ситуацию идеологического смещения с рельсов откровенного развития, не то, что сегодня происходит в Китае, но в такую идеологию устойчивого развития и в идеологию совершенно другого рода и плана проблем. И здесь, мне кажется, для нас очень существенна тема появления новых элит, тема и проблема новых элит. Вот разговоры последних лет о том, что как только к власти придут корпорации и сразу все резко изменится, мне кажется, тоже скоро уже

устареют. Поскольку, по всей видимости, корпоративные структуры и инкорпорированные субъекты, люди этих корпораций, мыслят в сугубо своей логике, которая тоже связана с некоторым стандартным и стабильным уровнем жизни людей. Я сейчас приведу веский пример. Вы отлично знаете идеологию нового поколения власти, которые говорят о том, что если, например, проблемы ЖКХ еще не упали и город за зиму не разморожен, значит все хорошо. Знаете, я не думаю, что сегодня мышление корпорации чем-то особым может отличаться от мышления о простом обеспечении жизни. Я задаю вопрос: откуда может появиться новое мышление, почему вдруг может появиться новое мышление из корпоративной рамки? Поскольку корпорации у нас в стране никогда не занимались социальными процессами. В этом смысле я проблематизирую тезис о том, что приход корпорации к власти, больших корпораций, больших финансовых групп, может повлечь за собой координатные социальные изменения и, тем более, волну кардинальных инновационных процессов. Тем более, что у нас есть примеры, не буду показывать пальцем на некоторые регионы, когда это состоялось. И мы что-то не наблюдаем тотальную ротацию кадров, мы что-то не наблюдаем тотальное появление кадровых программ, ну и так далее. При чем заметьте, как быстро становится понятно, как неуспешные некоторые схемы и, в том числе, образовательные проекты, как может быть не успешен, например, проект подготовки инновационных кадров, инновационных менеджеров в ситуации, когда власть не приходит сама к этим проектам, когда всласть не собирается осуществлять ротацию. Я три дня назад был на конференции в Красноярском крае по поводу появления новых инновационных кадровых программ для подготовки муниципальных и государственных служащих. Что бы вы думали? Большинство выступлений - это были выступления представителей высшей школы, которые абсолютно ничего не понимают про процессы регионального развития, как в Красноярске, так и в других регионах, которые абсолютно ничего не понимают про процессы государственного строительства, но, заметьте, которые абсолютно уверены, что если власть на местном уровне будет размещать заказ на подготовку кадров в сфере управление, то она обязана разместить именно туда. Не смотря на то, что я сам работал в высшей школе, я считаю, что высшая школа фактически тотально потеряла рамку развития и тотально потеряла рамку земли и территории.

В этом смысле, для нас с вами очень существенной становится проблема новых элит. Знаете, я бы здесь посмотрел даже на зарубежный опыт, который говорит о том, что, по всей видимости, элиты, которые являются финансовыми элитами, элитами капитала, могут расходиться с элитами, которые являются элитами мысли и элитами развития. И, пожалуй, нас ожидает этот путь. Я не хочу заводить разговор про русскую интеллигенцию, которая

всегда противопоставлялась власти, но, по всей видимости, функция элитности в обществе будет растворена. И мыслить старую схему, что элита - это то, у кого есть ресурс, сегодня не совсем верно, потому что появляются новые виды капиталов и новые виды ресурсов, например, моральный, этический, интеллектуальный, ну а затем уже финансовый, властный и так далее. И лишь соединение в точке бифуркации, в одной точке всех типов ресурса, может нам породить субъектов или я потом в последствии буду говорить агентов развития. Но при этом само понятие развития должно принципиально измениться на этом новом этапе.

Здесь еще есть одна очень существенная проблема - это тема социальной структуры российского общества и проблема организации основных базовых институтов общества. Дело в том, что в тот момент, когда мы пользуемся старыми стратификациями или устаревшими стратификациями, ну например, я уже не говорю о классовом подходе, мы с вами невольно начинаем понимать, что попадаем в ловушку, потому что делить сегодня людей по сословно-классовому признаку просто бессмысленно, особенно в таких странных городах как Томск. Потому что с одной стороны профессор принимает участие в интеллектуальной деятельности, с другой стороны по уровню его доходов он принадлежит уже как бы к другому слою и так далее. А другой наоборот. Это один из примеров. И, по всей видимости, мы должны думать о новой методологии, с помощью которой можем представлять российское общество и по-новому начинать мыслить его институты. И отсутствие этой новой методологии, которое главным образом возникло потому что эти долгие годы в России не было гуманитарной школы, а на Западе были, приводит нас к тому, что сегодня у нас нет совершенно никакого социального зеркала. У нас нет аналитических программ в СМИ: на телевидении, в печати, - у нас нет фактических аналитических журналов, кроме центральных, которые ничего не понимают про происходящее в регионе и у нас нет собственных функций рефлексии и анализа власти. Самое главное смотрите, темы диссертаций, которые защищаются, в том числе и в последнее время, так же, как и в советское время они предельно оторваны от жизни, большинство из них. Например, один из советов томских по философии просто удивляет бесконечным перечнем своим постмодернистских тем, как будто постмодернизм и постструктурализм большими прыжками, прискакал в Козинск, в Шушенское, в Кемерово, в Красноярск, и этим людям больше не о чем думать. Я, правда, понимаю, что надо сделать с наукой, чтобы она начала думать про региональные темы - ее нужно посадить на региональный бюджет.

Еще существует одна проблема, связанная с гуманитарными исследованиями, собственно, тема подходов средств компиляции и эклектики. Я поясню, что я имею в виду. Мы очень, как мне кажется, в своих исследованиях закомплексованы, потому что долгое

время находились в таком тоталитарном философском ключе жили и даже самые талантливые и продвинутые исследователи почему-то именно в России очень боятся нарушить подход, в котором работают. И, например, метод эклектики, который на Западе становится одним из ключевых методов исследований, метод преодоления собственного подхода, метод ввода авторских понятий у нас совершенно не предусматривается прежде всего академической средой. Вы попробуйте в докторской диссертации введите понятие, которое еще не распространено в течении последних ста пятидесяти лет на этой планете. А заметьте, что происходит дальше. Дальше мы имеем отсутствие аналитики и проектов, связанных с управлением территориями. Поскольку мы не имеем никакой достойной аналитики, мы не можем проанализировать ситуацию, связанную с новой администрацией в Красноярске. Они не имеют достаточного аналитического инструментария, чтобы понять как описывать эту ситуацию. В Приволжском Федеральном Округе с приходом Киреенко возникла проблема отсутствия аналитического инструментария описания ситуации в стране. Мы с вами имеем огромную территорию, которая никак не может быть описана. Лишь только потому, что мы чего-то боимся. Лишь только потому, что мы боимся в своем мышлении выработать новую систему понятий, пусть не таких оправданных и не таких культурно значимых, но работающих в реальной социальной среде. Кстати, вот мы здесь будем с Ириной Проскуровской ссылаться периодически на французский опыт социологов и нас крайне удивляет, как они работали и работают. Заметьте, Бурдьё очень много жил и работал в Алжире, в момент вот этой ситуации, связанной с борьбой за независимость Алжира. И теории, и взгляды социальные, которые он отстаивал были, вообще-то говоря, против аристократической Франции. И он еще во многом принимал участие в непосредственной если не политической, то около политической деятельности. Лишь только после того, после проведения ряда исследований, после описания этих исследований, возникала методология. А потом историки философии говорят, какой был Бурдьё замечательный, потому что, видите ли, он преодолевал традиционную социологию и традиционные понятия и прежде всего новомарксистские. Это он просто работал, он был встроены реальные практические процессы и ситуации и понимал, что для этого нужен ввод новых понятий. Если наши исследователи, прежде всего методологи и методологическое крыло в разных сферах, не только в системомыследеятельностном подходе, и занимались разработкой понятий, структур и теоретических представлений, то делали они это либо теоретически, либо не публикуя практическую часть. В результате мы сегодня с вами в мыследеятельностном подходе не найдем ни одной работы, связанной с социологическим анализом. найдем работы, связанные со структурным анализом и функциональным анализом, и при нормальном уровне рефлексии можем начинать переносить, но мы не

найдем ни одной работы, связанной с социальным анализом. Возможно, это было, еще не все архивы Георгия Петровича опубликованы, но есть большое подозрение, что эти материалы есть и что вообще можно было думать на эти темы.

Таким образом, мне кажется, что гуманитарные дисциплины и наша жизнь и практика находятся вокруг мега-темы реальности и ее конструирования. Надо признать, что мы с вами живем в некотором рефлексивно неоформленном пространстве. У нас нет реальности и нет механизмов ее конструирования. И описание реальности в старых подходах, теоретических, порождает неверные практические действия. Или даже проще - бессмысленные практические действия. А в лучшем случае хорошее современное образование занимается концептами и постановкой теоретического мышления, а концептуальное мышление - это прежде всего детерминистское мышление то, которое позволяет очень хорошо и продуктивно мыслить, жить и работать в обществе с границами тогда, как практическое мышление занимается схемами организации, схемами прорыва и направлено на конструирование реальностей или, по-другому говоря на конструирование открытых реальностей. На Западе уже давно и всюду используются такие понятия для описания реальностей как “институты и институции”, “социальные структуры”, “инкорпорированные структуры”, “габитус” и так далее. Это все не приходит и, возможно, просто не может прийти в российский оборот, но с другой стороны мы не имеем инструментов для оценки и описания реальностей. Я закончил проблемное введение. Какие есть мнения и вопросы по этому отрывку, поскольку это не лекция.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, поподробнее, что такое реальности и как их конструировать.

А.А. Попов. Да, я дальше поподробнее отвечу на это вопрос, когда буду вводить еще раз понятие практики. И мне кажется, что для людей молодого возраста этот вопрос очень актуален: что такое реальность и как ее конструировать. Вы как раз такое поколение, которое может состояться, если сможете стать эксклюзивным. Только будучи эксклюзивными вы можете состояться. Итак, все эксклюзивные состоятся, другие будут молодежью! А эксклюзивные будут поколением.

Первая часть. Здесь я частично повторяю то, что мы пытались развернуть с Ириной Проскуровской на Антропологическом Форуме Поколений, а конкретно с введением понятия человеческого потенциала. Нам кажется, что это крайне продуктивное понятие для современного социального исследования и для построения современных антропологических практик. Мы это понятие не связываем с тем понятием, которое основано на формальных показателях уровня жизни, уровня образования, доходом населения, продолжительностью жизни. Тем более что так посчитать сегодня человеческий потенциал в регионах крайне

сложно. Подумайте сами как можно сегодня оценить реальный уровень дохода населения. Уровень образования сегодня ничего не говорит, особенно в Томской области, где очень высокий процент высшего образования и в то же время очень высокий процент психологических заболеваний. Специалисты как раз делают выводы, что уровень невостребованного высшего образования приводит к увеличению мест-коек в желтых домах. Мы считаем, понятие человеческий потенциал возможно ввести только в полевом антропологическом подходе. Мы выделили три антропологических подхода: это так называемый натуральный или объектный антропологический подход, который прежде всего характерен для античности и по существу его можно заявлять как “человек есть это...” и так далее. Во многом до сих пор многие антропосистемы пользуются именно этим подходом. Следующий - это трансцендентный подход, который главным образом введен благодаря религиозной карте мира и получивший свой венец в немецкой классической философии прежде всего в работах И.Канта. Третий подход - полевой или идентификационный, идентификация. При этом мы пытаемся противопоставить трансцендентный подход полевому подходу. Если трансцендентный подход утверждает, что главное предназначение человека - это принадлежность к вертикали, и там существуют такие характеристики как “высота”, “глубина”, я здесь Делеза цитирую. Принадлежность к вертикали - это, например, принадлежность человека к высшей идее: к идее Бога, к идее космоса, к идее деятельности, к идее некоторого высшего начала. Полевой подход, или подход к идентичности, уже использует другую линию, линию горизонтали, или линию поверхности. В одной из своих ключевых работ Делез вместе с Гватари пишут о том, что на место концептуальной философии, на место концептов, которые говорили о высшем начале приходит так называемая гео-философия, которая начинает оправдывать существование человека исходя из той принадлежности к земле и территории, в которую он впаян. По всей видимости, сам Кант, хоть он и наметил трансцендентный подход, он же и показал его границы. Кант фактически пытался наделить трансцендентное личной формой, то есть личное начало он пытался наделить личной формой. Но с другой стороны это трансцендентное, оно же универсально для всех, он же для всех вообще, и оно же для все обладает некоторой безличной формой. Здесь и существует антропологическая дилемма между массовым и индивидуальным, между коллективным и всеобщим, по всей видимости современная антропология не массова, не коллективна и не всеобща. Это отличие трансценденции от имманенции, имманенция имеется ввиду как движение по поверхности, в нашей работе для нас является ключевым, в том числе педагогической и образовательной работе. Представление о самоопределении, о педагогике самоопределения и о выборе по всей видимости очень затруднено в трансцендентных логиках. Имманентный подход, или

полевой подход, не отрицает трансцендентную антропологию, он как бы ее объемлет, потому что во всей видимости в жизни человека есть те вертикальные инстанции, которым он действительно принадлежит и по отношению к которым он живет, но в том числе должна быть некоторая горизонталь, некоторая возможность определяться по поверхности. Поэтому именно в третьем антропологическом подходе мы пытаемся ввести представление о человеческом потенциале. Но здесь необходимо сделать одно очень важное ограничение или замечание. Эти объектности, о которых я пока говорю образно, они с точки зрения разных философий наполнялись разными материалами. Один из наиболее ярких материалов - это материал Фуко, когда он говорит, что поверхности, это не просто поверхности земли, это так называемые архивы знаний. И он вводит идею эпистем, идею дискурсов, идею институтов, - это архивы, говорит он. И дальше человек как бы начинает жить по этим архивам, перемещаясь по ним. Такое представление о человеке начинает разрушать традиционные представления, эта традиционная школа Канта, Бубера, когда человек мыслился как некоторая священная инстанция, которую возможно было исследовать. Сам Фуко заявляет, описывая работы Ницше, что человека нет. В лоб современная философия не может заниматься этим священным объектом. Пол всей видимости надо исследовать контексты, по отношению к которым живет человек. Дальше можно сделать метафорический вывод о том, что человек - это, понятно, что искусственно-естественная система, настраивающаяся система на разного рода контексты. Если так понимать человека и человеческое поведение, то мы должны не терять существенных представлений о человеческом выборе и человеческом поведении. Сделаем здесь первую точку в лекции, какие здесь есть вопросы и мысли?

Вопрос. Дайте, пожалуйста, определение, что такое человеческий потенциал.

А.А. Попов. Я на это вопрос отвечать не могу, а главное не хочу. Нельзя отвечать на вопрос: человеческий потенциал есть это. Мы иногда в своем коллективе смеемся и говорим, что человеческий потенциал - это вменяемость. У нас заказчики спрашивают, что произойдет в молодежь, с коллективом. Они вменяемые станут. В образном смысле слова можно отвечать на вопрос что такое человеческий потенциал, а в научнофилософском сложно. Надо идти с разных сторон. Человеческий потенциал, это какое-то энергетическое понятие, оно характеризует энергию человека. Только я не про эту энергию, которая во всех этих организациях непонятных, а про человеческий энергетизм. Вам легче? А энергетизм, как раз, напрямую связан с попаданием в идентификационные поля, т.е. в поля, где существуют разные образы и образцы, по отношению к которым ты можешь самоопределяться. Это напряжение, когда понимаешь, что твоя жизнь может быть построена по разному, что может быть разный сценарий, но ты усилием интеллекта, воли или разума понимаешь, что

некоторое время должен находиться на растяжках для того, чтобы использовать разные возможности. Это и есть некоторый энергетизм. Если хотите, можете использовать понятие об энергии из физики: низкий уровень, высокий уровень, потенциал. Кстати, очень много понятий в современной гуманитарно-антропологической философии заимствовано из физики: Делез пишет о микрофизике, о микроповерхности, человеческий потенциал, сингулярности всякие различные, много понятий пришло из квантовой физики, потому что квантовая физика описывает те процессы, которые натурально наблюдать невозможно. Никто не видел кварки и элементарные частицы. На самом деле антропологию натурально наблюдать тоже не возможно, можно наблюдать следы, эффекты, как например, пролетает частица пролетает в камере Вильсона, ее никто не видит, но след от нее есть. Никто не видит человеческий потенциал, но если по простому, о человеке судят по его поступкам, по его следам. Очень трудно сказать в лоб, что такое человеческий потенциал. Должна быть гуманитарная система координат, где действительно можно увидеть, если не исследовательски, то пока понимающе это движение. Но очень часто из-за отсутствия таких систем координат трудно показать возникшие антропологические эффекты.

Вопрос. В связи с логикой вашего суждения как вы прокомментируете такой тезис. Человек есть функциональное место и его наполнение.

А.А. Попов. Вообще никак. Где-то кто-то чего-то сказал про это. Если Вы руководитель предприятия, тогда все нормально, Вам не надо заниматься философской антропологией. Самое главное, чтобы была зарплата, социальное обеспечение и чтобы рабочие раком в сорок лет не болели и не умирали. И собственно все. Я поэтому и говорю, что когда корпорации придут к власти, они же сейчас активно сопротивляются гуманитарному сопровождению деятельности, заметьте. А дальше я наблюдаю зам.губернатора, который из той же корпорации, что и губернатор, и сидят они всю жизнь в этом маленьком северном городе, который кормили их и весь край, и никакого гуманитарного сопровождения в этом маленьком северном городе, где никель добывают, вы о чем? А теперь выясняется, что край большой, что он от Эвенкии до Шушенковского, и что вообще нужны социальные программы. И вообще молодежь - это не только КВНы, дискотеки и в День Молодежи заплыв по Енисею на теплоходе, не только это. Я, конечно, понимаю, что зам.губернатора нельзя рассказать, что существует два подхода к человеку: античный, трансцендентный, полевой. Последний год моей работы показал, что и корпорация это не то, за что мы на баррикады выходили в 91-ом году, на педагогические баррикады, например. По всей видимости, представления о человеке, которые мы начинаем разрабатывать, они победят в социальном, большом социальном, смысле. Поэтому надо

строить такие институты, даже не проекты, а такие схемы, где мы сможем реализовывать такие представления о человеке, а не только лишь эти функциональные штуки.

Вопрос.

А.А. Попов. Исходя из этимологии и вообще “да”. Мы имеем дело тотально с тем, что население невозможно мобилизовать ни на что. Не только в армию, а вообще, не на что население невозможно мобилизовать. Самая главная управленческая проблема заключается в том, что ни один руководитель ни на что население мобилизовать не может. Начиная от субботника и заканчивая... В этом университете попытались мобилизовать на написание и издание курса лекций. То что должно быть в каждом уважающем себя высшем учебном заведении и что на Западе просто норма. За деньги. Мобилизовать не удалось. И на многое, очень на многое нельзя мобилизовать. В этом смысле метод идеи перестает работать. Это одна из самых главных проблем работы с населением. Это связано с тем, что вышли из одних магнитов, антропологических и идеологических, родился новый молодой народ, который никогда не имел опыта мобилизации, который имеет абстрактные представление о свободе, абсолютно не рабочие, свобода воспринимается как некоторый произвол и все. Нет памяти и практики мобилизации. Практика мобилизации не лежит на этом поколении. Вопрос, что это за государство, если оно не может мобилизовать население. Ни на что. Даже на свободу, потому что студенты Томска точно не сделают Париж 68-го года, что бы с ними не сделали. А в 86-ом году перегораживали студенты дорогу напротив Политеха, по радио “Свобода” передали, физики между прочим, потому что военка их уже достала. Очень многим ребятам потом карьеру испортили. 86-ой год, это еще КПСС была у власти. Сегодня они этого не сделают. Хотя бы надо было, потому что уровень очень сильно упал. А те из-за военной кафедры рисковали своей карьерой повывлетали из вуза. Они мобилизовались сами. Они всегда были мобилизованы. И университет элитный. Все физтехи были такой элитой, которая могла мобилизоваться, поэтому их периодически отправляли далеко, желательно в закрытые периметры, физики были элитой общества. Не думаю, что наши студенты PR-щики сядут там, потому что на факультетах PR не преподают специалисты этой сферы PR. Нет практики мобилизации. У студентов Парижа была, и каждый уважающий себя парижанин раз в год выходит на забастовку, при этом эти дни оплачиваются правительством. Так они борются за свои права, даже если у них все нормально. Это происходит так, они берут красные флаги, красное вино, диско-музыку, при этом одеваются красиво, у них это типа профсоюзного дня. Они обязательно идут к центру города, к этой самой арке. Потом к ним приезжает министр труда, они мило разговаривают пи расходятся. Но это Париж. Здесь и французская философия, совершенно другая, и здесь есть Монмартр, где вы можете встретить всех от проституток до художников, которые пишут их же. Это другие

координаты. но я не западник. Очевидно, что нам их понятия, которые определяют жизнь не совсем подходят. Мы очень духовная страна, это есть очень большая специфика. У нас с одной страны горизонталь, а с другой, ой-о какая вертикаль.

Вопрос. Поясните пожалуйста понятие эффективность. Что значит, человек действует эффективно?

А.А. Попов. Я думаю, что в понятие потенциала входит понятие “эффективность”. Но эффективность - это скорее всего какое-то рыночное понятие. Это характеристика человека на рынке. Скажите, пожалуйста, вы можете эффективно любить или эффективно быть счастливы. Это из теории деятельности, социального действия и действия. А как схватить человеческое в человеке, как у Мамардашвили, только в современности. Как его можно описать. И последний вопрос, самый сложный, как с этим работать, но это вообще круто. Потому что описание человеческой судьбы, у нас сегодня происходит только на одном языке, на языке карьеры. Только на языке карьеры. Карьеры в западном смысле слова, а в связи с тем, что это во многом невозможно в нашей стране, в российской ситуации, у нашего молодого поколения тотальный комплекс неполноценности. Мы сегодня имеем не нахрапистое, не самоуверенное, а поколение с комплексом неполноценности. Потому что у нас только одно представление идеологическое, это представление о карьере. А не о том, как говорит И.Д. Проскуровская, а не стремление к высокому уровню экспертного профессионализма. Минимум на это надо потратить десять лет. А поскольку у нас в голове только представление о карьере, то второе представление - это представление о конъюнктуре. А дальше мы открываем справочник для поступающих в вузы, где написано сколько человек на место и куда, и там опять девять человек на место на PR. Но в стране начинают финансироваться фундаментальные разработки, физико-математические, например. Правительство повернулось если не лицом, то хотя бы боком к образованию и к науке. А где собственно призвание людей, как это так получается, что в 70-е годы у всех молодых людей призвание химия, а в восьмидесятые физика, а в девяностые - экономика и PR, и все говорят, это мое призвание, я с этим родился. Ну зачем нам столько пиарщиков. Я уже не говорю про факультет психологии. Наше общество никогда не будет пользоваться и платить за психоаналитику. У нас психоаналитик - “Гжелка”. Теперь заметьте, когда к нам придут мировые цены на высшее образование, а конкретно сорок тысяч долларов в год, я посмотрю на вас, когда вы будете говорить: у вас не эффективное образование, а практику мы получаем в другом месте. Только вы сюда 40 тысяч отдадите, а потом туда - 100, и у вас будет 150 тысяч в год, долларов. Родители делают вид, что отдали ребенка учиться, ребенок делает вид, что учится, профессора делают вид, что читают лекции, а деканы делают вид, что выдают зачетки, и вы говорите о какой-то практике. Это не практика. Это театр такой. А

качество жизни своей вы как цените и отписываете. Есть такой показатель. Качество жизни. Хотите я вам дам определение. Качество жизни определяется количеством лет, которые ты бессмысленно провел. Считанные архивы и практика - это одно и то же. Не может быть лекционный курс 100 часов в год или в семестр. Он должен быть 30, 100 часов на самообразование и на работу с тьютором. Поэтому у нас нет университетов, у нас нет университетской организации жизни. Качество жизни определяется простой формулой. Берете количество лет, которые бессмысленно прожили, чем меньше, тем выше качество жизни. А дальше считайте: в очереди простояла столько-то в день, в вузе три пары отсидела, а дома все равно заниматься. Все очень просто. Ехала до Томска, приехала в Тайгу, электричка простояла ночь, вот, посчитала.

Вопрос. Что же получается качество жизни без образования даже повысится, если образование убрать.

А.А. Попов. Видишь, взрослые говорят, как пристроишься. Даже слова такие есть “пристроишься”. Вы что будете реформаторами этой сферы образования. Скоро у вас закончится этот период, и вы начнете чем-то светлым заниматься. А в тот момент, когда она отреформируется, лет через 50, у нее уже будут другие проблемы, которые тоже надо будет реформировать. А вам никто не мешает перейти на экстернат. Мне кажется, что самая главная проблема в старых схемах. Нас отягощают старые чужие схемы. Я недавно был в Красноярске вместе с Болотовым, зам. министра и председателем комитета по делам образования, на школе молодых политиков, была дискуссия, пришло человек двести, дискуссия по проблемам ЕГЭ. Ребята сидели такие как вы. Один из них встал, подошел к Болотову, сунул ему палец в галстук и сказал, вот из-за таких как Вы разрушена наша страна. Пацану лет семнадцать. Дальше я понял, как Болтов, доктор пед. наук, инноватор номер один в стране ужаснулся, потому что это называется за что боролись на то и напоролись. Дальше это парень сказал, что ЕГЭ - безнравственная вещь, это портит тырмпырым, и вообще он говорил левый дискурс. Нам нужны социальные гарантии. Мы так долго говорили, что стране нужны правые идеи, Союз правых сил. Все. Пока инноваторы-педагоги что-то там делали, наша молодежь полевила совсем, превратилась в совсем другую. Это проблема министерства образования, Болотова, они должны были эту реформу образования сделать в 89-ом году или в 91-ом, ведь это же реформа экономики образования, но для нее нужна как база реформа содержания образования, потому что у них в голове такая помойка, что ЕГЭ, что ни ЕГЭ. Поэтому для него Болтов - враг народа, реально, и он ему так и говорит.

В.Р. Лозинг. Александр Анатольевич, эта тема, которую Вы начали, потенциальной мобилизации, она будет как-то дальше разворачиваться?

А.А. Попов. Да.

Понятие “человеческий потенциал” для нас крайне важно в контексте с понятием идентификационного поля. Если идентификацию рассматривать как процесс, то базовый процесс здесь - это процесс самоопределения, то есть процесс конструирования реальностей. В общем то, если делать вывод, то надо сказать, что такой подход принципиально отличается от трансцендентальных практик восхождения к образцу, или восхождения к высшему началу, поскольку во всей видимости выражение “образец для самоопределения” неверно, оно нелогично. Для самоопределения нет образца. По всей видимости, существуют лишь некоторые фигуры идентичности, а самоопределение человек, или образ своего самоопределения, он конструирует. Вернее даже он не себя конструирует, а ту реальность, в которой он хотел бы жить. И все это находится в магнитах, или в поле идентичности, или фигур идентичности. Он говорит: “да, я хочу,” - и показывает пальцем на человека. Но он имеет ввиду не то, что он хочет быть как тот, а просто строит свои границы идентификационного поля. Мне кажется, что врем организации жизни по образцу начинает заканчиваться. И самое главное, нам кажется, что человеческий потенциал - это способ бытийствования практик. деятельность существует без человеческого потенциала, без усилия. Деятельность, в этом смысле, может быть технологизирована, а практика не может быть технологизирована.

Таким образом, человеческий потенциал есть определенный гарант того, что практика состоится. Человеческий потенциал одновременно есть и результат практик, но и он же и разворачивает практики. И здесь противопоставление деятельности. Деятельность, как мне кажется, - это концепт-конструкт, и ее действительно можно обсуждать и описывать теоретически, тогда как практику описывать теоретически невозможно. Практику можно описывать, лишь только описывая какую-то ситуацию, и выделяя из нее какие-то характеристики этой практики. Как Бурдые писал на примере обряда, попробуйте научить кого-то обряду: надо принести тело, посадить плакальщиц, научить их плакать, - сразу кощунством пахнет. И так по любому обряду. Мы не можем технологически описать практику. Никто не будет отрицать, что обряд есть одна из ведущих человеческих практик, она есть, но она не схвачена теоретическим дискурсом, и главное, она не может быть схвачена теоретическим дискурсом. А дальше лишь в ненаучном дискурсе описать обряд, например, в художественном произведении. Или человек сам будучи маленьким попадает на похороны или на свадьбу, потом растет и становится женихом или невестой, и осваивает способ жизнедеятельности. Это жизнедеятельностное описание, не технологическое описание.

Дальше возникает вопрос и проблема: можно ли вводить эти практики искусственным образом, можно ли ими управлять, особенно в ситуации, когда у нации эта практика утрачена, когда (про мобилизацию) тело человеческое не удерживает тело практики, потому что они никогда не были знакомы. Мне рассказывали в Кежемском районе, в Кодинске про четыре волны переселенцев в это район, который сейчас будет затопляться. Первая волна - это криминальная золотая молодежь из столиц, игроки и шулеры. Вторая волна - это баптисты. Третья волна - девицы, которые за деньги. Четвертая волна - это уголовники низшего уровня. Причем все поселяются на свободное поселение. Потом организуется большущий ГУЛАГ. И это все на территории одного района. Мы хотим летом на пароходе сделать экспедицию. Какая практика в голове у 15-16-ти летних, тем более, что они знают, что рано или поздно Багучарскую ГЭС достроят, и это все уйдет под воду. Какую педагогику надо осуществлять там. Что помнит их тело и родовое, и генетическое, и историческое?

В этом месте я бы и перешел к обсуждению не чисто антропологического вопроса, а вопроса о практиках, что такое практики. Потому что дальше бессмысленно обсуждать человека, а если мы признаем в таком залоге представления о человеческом потенциале, то надо вновь вернуться к представлениям о практиках.

Итак, для существенно несколько представлений о практиках в истории культуры. Одни для нас более знакомы, а другие менее знакомы. Понятие античной философии, немецкой философии, марксистской философии, и собственно понятие постмарксистской или неомарксистской философии, системомыследеятельностный подход я бы во многом отнес к неомарксистской традиции. Это все мы обсуждали а прошлых лекциях. Сегодня я бы хотел развернуть представления, связанные с французскими, даже не постструктуралистами, а постпостструктуралистами. Я имею ввиду прежде всего работы Фуко, которого трудно назвать культурологом или философом, историком культуры, работы Делеза, которого тоже трудно назвать философом, и работы Бурдье, которого трудно назвать социологом, говорят: "Социология закончилась на Бурдье". Еще говорят: до Маркса мы все были марксистами, после Бурдье мы стали кем-то другим.

Дело в том, что западная философская мысль и западная социология во второй половине двадцатого века во много была направлена на преодоление не просто субъект-объектных отношений, о чем так много говорилось в нашей психологии и педагогике, или субъект-субъектных отношений, а преодоление вообще дихотомии субъект-объект, субъект-субъект. Вообще противопоставление и выделение субъекта и объекта как такового. Для нас это непонятный тезис и он разрушает наши представления как о натуральных так и гуманитарных исследованиях. Традиционно философские гуманитарные исследования строились на противопоставлении, например, материализма и идеализма, детерминизма и

культурологизма, структурализма и феноменологии, эмпиризма и переживаний. И мы привыкли мыслить этими парами, а в педагогику ушла дихотомия субъект-объектные, субъект-субъектные отношения. Попробовать помыслить так, что субъекта вообще не существует и что бессмысленно заниматься анализом субъекта, в этом смысле, бессмысленно во многом обсуждать индивидуальность, личность. Эта попытка приводит нас в некоторую растерянность, потому что мы получаем ряд понятий, которые начинают переводить проблему субъекта в совершенно другую проблему, в совершенно другую гуманитарную картину, например в проблему субъективации и институализации, в некоторое другое более большее поле. Мы раньше говорили субъект чего-то, когда мы говорим субъект, мы выделяем его в некоторой субъектной ответственности, субъект деятельности - все имеют ввиду. Давайте не будем лукавить. Субъект какой-то активности, говорим мы. И якобы на его фокусе вся эта активность расположена. И как только мы начинаем говорить агент, мы начинаем понимать, что агент, агентирование, это другое, это встроенность собственным телом во что-то другое и не факт, что источник и инициатива лежат на его теле, вообще границы агента не ясны. В то время как границы субъекта ясны, есть субъект, есть внешний мир, мы исследуем субъекта и поэтому мы гуманистическая какая-то антропология. Когда мы вводим агента, границы которого не ясны, мы начинаем исследовать не человека, а собственно контексты, в которых он живет и которые он конструирует. Мне кажется, что с этого признания, с этого отказа и возможно говорить о теории практики, отказа вообще от идеи субъекта и отказа от схем субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Вообще надо понять, что это представления некоторых объективистских, и вообще, марксистских теорий. Дальше надо вводить представления о теории практик. Переход от субъект-объектных, субъект-субъектных схем заключается в том, то мы прекращаем утверждать, что мир отражается.

Последние несколько лет как мне кажется подбираются активно к теории практики. Существовали различные концепты понятия практики, и прежде всего в праксеологии, одни из значительных работ начала века - это работы Катарбинского, польского философа, который занимался вопросами организации деятельности, одна из первых его работ датирована 13-ым годом. Он ссылался на работы Тейлора, Томса, Фароля и так далее, при этом читал кое-что русское ссылаясь на Богданова, на теорию организации. Эта линия связана с прагматизмом и с позитивизмом. В то время кроме Багданова работал еще наш русский своеобразный философ Валерьян Муравьев, долгое время его работы не были известны, в альманахе "Архэ" мы опубликовали его письмо Троцкому, потому что с Троцким они были коллеги. У Валерьяна Муравьева очень интересная судьба, он не уехал в

22-ом, хотя ему настойчиво предлагали, и он стал работать в институте организации труда. Здесь присутствующие его бы назвали практикующим методологом. Он как раз занимался организацией труда в социалистических системах. В 32-ом году последние сведения о том, что в Нарыме он погиб, по одним источникам он был расстрелян, по другим он погиб от туберкулеза. Есть интересная его работа, которая метафорически называется “Овладение временем как основная задача организации труда”. С одной стороны, метафизическая задача овладение временем, а с другой стороны практическая задача - организация труда. Он не уехал потому, что искренне верил, что большевистское правительство - это инновационно правительство, которое может делать социальные рывки. Но все: и работы Катардинского, и работы Богданова, и так или иначе работы Муравьева, - это работы в такой позитивско-прагматической рамке, и они посвящены теории деятельности и вопросам организации деятельности.

Другую очень важную линию я бы выделил нашу отечественную линию, это системомыследеятельностная философия, которая изначально предполагала конечно же теорию деятельности, но мне кажется на периферии она начала развивать гуманитарную теорию, и это была теория практики. Прежде всего я бы здесь сослался на ряд работ Г.П. Щедровицкого, связанные с семиотическим анализом, а также на работы В.М. Розина, О.И. Генисаретского само собой, и на некоторые работы П.Г. Щедровицкого, мне кажется, что в этих работах начинает задаваться гуманитарная методология или начинает возникать теория практики. Не просто теория деятельности. Если теперь отвлекаться от отечественной традиции, то необходимо сделать вывод, что теория практики была возможна тогда и об этом писал Бурдье, когда стало понятно, что надо отказываться от структурализма и от структуралистских представлений как от объективизма, как от некоторой объективистской теории. Заметьте, структуралистами называли очень многих людей, которые работали в чисто гуманитарных сферах, тех которые работали с текстами, которые работали с языком и так далее. Теории практики начинают преодолевать структурализм. Фуко и Бурдье всегда обижались когда их называли постструктуралистами, то есть они себя не считали структуралистами. Если мы с вами представим такой ряд понятий как “контекст”, “ситуация”, то сразу будет понятно что функционально-структуралистские теории не могут работать на языке этих понятий, потому что это предельно гуманитарные понятия. Конечно, во многом это связано не только с развитием научно-гуманитарной мысли, это связано с социальными изменениями. Когда во второй половине двадцатого века человек стал иметь возможность выбора экономического, политического, морального, то, соответственно, начинают появляться другие социально-философские интерпретации жизни и жизнедеятельности.

В своих размышлениях Бурдье начинает использовать понятие “агент”, и далее Бурдье вводит ключевую для себя характеристику - это “габитус” или “хабитус”. Но перед тем, как я начал об этом говорить я бы процитировал не Бурдье, а Мосса, который задолго до Бурдье обратил внимание на этот термин. “Прошу вас заметить, - писал Мосс, - что я говорю габитус на настоящей латыни, понятой уже во Франции. Слово это несравненно лучше, чем привычка, оно выражает навык, в том числе и способность к чему либо в истолковании Аристотеля, оно обозначает не метафизические привычки и таинственную память, о которой говорится в солидных томах и небольших диссертациях, эти привычки варьируются не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят душу и способность к повторению”. Это во многом переворачивает антропо-педагогические представления. Потому что мы говорим навык, способность, набор знаний. А вот понятие габитус позволяет ввести весь социальный контекст, в котором... и дальше не понятно толи человек принимал участие в практике, толи практика просто через него прошла, она собственно говоря его не спрашивала принимал он в этом участие или не принимал он участие. Дискуссия о компетенциях в педагогической среде недотягивает, никто так и не указывает на природу, откуда можно на это понятие взглянуть, потому что очевидно точно, что компетенция не способность, это не та инстанция, которая полностью искусственным образом формируется, которую можно сформировать в классной комнате, компетенция - это нечто большее. В этом смысле понятие габитус нам здесь импонирует. Дальше я просто процитирую Бурдье, который писал о том, а дальше, заметьте, очень близко к Выготскому “это ансамбль интериоризированных социальных отношений. Это есть необходимое условие возможности практик. Это есть инкорпорированная модель практик. Это есть совокупность схем производства практик”. По существу надо сделать вывод, что габитус есть ансамбль субъективных значений совокупность объективных структур. Прохождение человека через ряд объективных структур, в которых он участвует и очень причудливое их изображение на его теле и называется этим самым габитусом. Бурдье в заключении говорит, что габитус - это причина практик агента. Габитус - это та инстанция, которая говорит о том, как он крепится к практикам. По существу, габитус есть та инстанция, которая прикрепляет человека или агента к миру практик.

Мы с одной стороны двигались из антропологического контекста, указав на понятие “человеческий потенциал”, потом поняли, что в рамках этого подхода нам не обойтись без понятия-посредника, поэтому стали разбирать понятие “практика”, дальше в теории практики мы находим антропологическое понятие, и оно должно было быть, иначе французы

не смогли бы никакие антропологические исследования проводить, и мы нашли понятие “габитус”. Дальше можно было говорить о том, что теория практики - это в некотором смысле предельно антропологическая теория.

Дальше у меня есть две части, которые я, к сожалению, лишь только тезисно смогу изобразить.

Во-первых, я бы еще раз указал на то, что практическая логика - это не теоретическая логика. В жизни можно выделить несколько сюжетов в подтверждение этому. Например, часто мы говорим, что человек обладает интуицией, скажите, как в теории деятельности это описать. Или сам Бурдые приводит пример с боксом. Он говорит, по всей видимости, когда боксер на ринге он не думает, он делает что-то другое. Или когда футболист пинает мяч в то место, где нет еще ни одного игрока. На языке “цель”, “средство”, “объект” это все очень сложно описать. Причем Бурдые очень интересно начинает трактовать будущее, настоящее и прошлое, это очень похоже на шаг развития в мыследеятельностном подходе. Он говорит, что создается такое впечатление, что игрок на поле живет как раз в будущем и исходя из будущего и строит свою игру, но ведь это же и есть схема шага развития. Дальше Бурдые говорит, что практическая логика - это политетическая логика, то есть тот термин, которым мы уже давно пользуемся для описания наших педагогических практик. Политетическое - то одно, то другое, каждое по отдельности, не логичное. А для педагогов, это когда мы вводим не от простого к сложному как в дидактике, а мы вводим сразу все и сразу. Он говорит практика устроена политетическим образом, чтобы ввести человека в практику его надо ввести в политетическую логику. Далее он говорит, что само слово “логика” к практике не применима, потому что практическая логика - это непонятная логика. Теоретическая логика есть логика, а практическая логика - это непонятливая логика, пишет Бурдые. Кстати, заметьте, что рынок - это политетическая логика, на рынке нет логики, на рынке есть политетическая ситуация и ты должен играть со всеми одновременно. Это мои наброски про практическую логику. И есть последняя часть, которую я абсолютно не успел. Это характеристики практического мышления.

Первый тип характеристик практического мышления - это так называемые онтологические характеристики. Практическое мышление сферно и пространственно, оно мыслит пространствами и создает эти пространства.

Вторая характеристика - это характеристика целостности мира, то есть практическое мышление событийно и ситуативно, оно необходимо для создания событий и оно появляется в ситуациях. Яркий пример, который мне очень нравится. Представьте себе истребитель, который в бою, как пилот принимает решения?

И третья характеристика - это коммуникативная характеристика. Практическое мышление организует коммуникации, оно предельно коммуникативно. Соответственно оно вариативно, имеет разные варианты разворачивания. И практическое мышление организационно, оно необходимо в организационно деятельности.

Текст, который я не успел озвучить есть на компакт-диске “Мамардашвили и Щедровицкий”.

Еще я не успел сделать часть, связанную с педагогическим разворотом, у нас есть статья “Понятие образовательной задачи”, которая тоже есть на этом компакт-диске. Там мы вводим понятие образовательной задачи и описываем как это можно использовать в педагогике и образовании. Вопросы пожалуйста.

Разведите, пожалуйста, понятия “потенциал” и “мобилизация”.

А.А. Попов. Я мобилизацию привел как пример, который характеризует реальность. Но с другой стороны наличие этого энергетизма, увлеченности, идейности в мега процессах может гарантировать, что мы нацией можем управлять. Мы ее можем мобилизовать, и можем ею управлять на социально-антропологическом уровне. Когда у людей не существует социальных магнитов, по другому говоря продуктивных идеологий, то никакая мобилизация не возможна.

В.Р. Лозинг. Но тогда лучшая мобилизация - это тоталитарный режим. И люди живущие в тоталитарном режиме обладают человеческим потенциалом потому, что их легко мобилизовать.

А.А. Попов. Мне кажется, что существует тип мобилизации отличный от тоталитарного режима. Мобилизация без принуждения, без силы, гуманитарная мобилизация, гуманитарные технологии. Например, когда люди без приказа ходят на выборы, и явка составляет 80-90 %. Или например, когда мы имеем ввиду какие-то массовые социальные движения. Почему в США были массовые выступления против войны в Ираке, а в России нет. Это не обязательно государственная мобилизация, но мобилизация каких-то общественных сил и структур.

В.Р. Лозинг. Но человеческий потенциал - это некоторая характеристика, он принадлежит отдельному человеку и можно сказать, что у него есть человеческий потенциал. Но все примеры, которые Вы приводите, показывают как это потенциал мобилизуется внешне: тоталитарное государство, активная социальная группа. Это все за пределами меня. А вот что меня мобилизует?

А.А. Попов. Я вообще думаю, что внутри меня никаких мобилизационных механизмов нет. Внутри меня есть моя жизнь. Она очень странно и сложно устроена, и поэтому с исследовательской точки зрения ее бессмысленно описывать. Во мне нет никаких

мобилизационных механизмов, во мне есть интериоризированные формы разных практик, дальше возникает некоторый магнит и я, благодаря собственному энергетизму могу среагировать. Нормальный человек не должен думать о войне. Израильтянин не может думать о войне в Израиле, потому что если он начнет думать о войне, он не сможет честно работать, но в момент, когда угроза появляется ему дается три часа, чтобы собрать чемоданчик, и он гордо уходит. Я этот момент обсуждаю.

В.Р. Лозинг. Можно ли понять так, что человеческий потенциал - это интериоризированная мобилизационная практика, которая после интериоризации его мобилизует, и если он этого не усвоил, то тогда у него нет потенциала.

А. А. Попов. Давайте на примере. Грубо говоря, мы с детства любим родину, нас учат любить родину, но мы совершенно не обсуждаем ситуацию, связанную с войной, мы так любим родину, что нам не нужен праздник “23 февраля” в школе, мы ее просто любим. И праздник “9 мая”. Мы не празднуем эти трагические точки на теле страны. Что их праздновать. Траур. Но в тот момент, когда возник призывной возраст, меня не учили мобилизовываться на войну или в армию, но в тот момент, когда возник призывной возраст, молодой человек сам спокойно пишет заявление. Нас не учат мобилизации, мы не в этих пространствах, а в других. И эта линейность между мобилизацией и человеческим потенциалом приводит к страшным тоталитарным педагогическим последствиям, линейность работы с человеком. А зачем девчонки-то маршировать учились, я понять не могу. Эта натурализация, схлопывание мобилизационного механизма и практики приводит к уродливой антропологии.

В.Р. Лозинг. Пример приведу. Люди вашего поколения, имеющие детей 7-9 лет предъявляют претензии педагогам за то, что их дети не научились маршировать и поворачиваться одновременно.

Вы очень четко различаете практику и деятельность. А подход, когда деятельность является составляющей практики вы не учитываете.

А.А. Попов. Я считаю, что это разное. Деятельность - это теория и концепт, а практика - это подход. Деятельность - это концепт, конструкт, это теория. Знание о деятельности - это теоретическое знание, его можно передавать, его даже можно технологизировать и передавать. И в этом смысле это теоретическое мышление. А практики - это реальные практики, они живут реально, их теоретически невозможно вообще обсуждать. Например, практика обряда. Я поймал себя на мысли, что сегодня ночью мне снилась эта ситуация, что именно Вы будете меня про практику и про деятельность спрашивать. Кроме обряда пример практики - образование. Настоящее образование. Оргдеятельностная игра. Бурдые пишет практика в своем виде осуществляется единственный

раз, и больше это не повторится никогда, обряд или оргдеятельностная игра, больше не повторится.

В.Р. Лозинг. Но есть технические вещи, структура, например, которые внутри всегда будут рефлексивного вида.

А.А. Попов. Точно. Но сама атмосфера, само действие, сама идеология, это будет один раз. Но заметьте одну вещь, Вы же меня спрашиваете из концепта вашей книги, где Вы, действительно строите теории образовательной деятельности, где есть цели и все остальное, но поверх этого я бы положил еще теорию практики, которая передает живую атмосферу, которую можно потом воспроизвести. Представьте себе, что вместо Вас кто-то другой может поехать в тот город и сделать там то, что делали раньше Вы. Вы ему дадите свою книгу, но после того как он ее причитает, Вы ему еще напутственное слово скажите. Практика - это и есть напутственное слово. Современная гуманитарная наука пытается схватить то, что не может схватить теоретическое мышление потому, что в жизни стали появляться новые контексты, как их схватить, вот в чем проблема. Я не спорю, а напротив усиливаю ваш вопрос.

Понятие события как раз выходит за рамки деятельностной трактовки. Событие невозможно описать на языке деятельности и нечего здесь лукавить. Деятельность и практика - это разнокачественные вещи, они лежат на разных досках. Схема прорыва - это значит, подумать по-другому.

Спасибо.